

Самойлова М. В.

ГОУ ВПО «Сургутский государственный университет ХМАО – Югры», Сургут

**Клинико-психологические основания тяжких
преступлений несовершеннолетних подростков Сургута**

**Clinical and psychological reasons of serious crimes
of under age teenagers in Surgut**

УДК 343.23;159.922.7;616

Аннотация. В данной статье обобщены результаты практики судебных психолого-психиатрических экспертиз несовершеннолетних правонарушителей и представлена трагедия формирования личности современного подростка, которая наиболее отчетливо проступает в характере совершаемых им преступлений, в содержании мотивов преступных деяний, отношении к содеянному, в нарушении ценностно-смысловой оценки совершаемого деликта.

Summary. This article summarizes the results of the practice of psycho-psychiatric expertizes of under age teenagers. The article presents the tragedy of the modern teenager's personality formation, which emerges most clearly in the nature of the crimes committed by them, through the motives in the content of criminal acts, the attitude to their actions, the violation of the value-semantic estimate of the committed delict.

Ключевые слова: правонарушение, подросток, делинквентное (аддиктивное) поведение, преступные мотивы, субъективная сторона преступления.

Key words: delinquency, teenager, delinquent (addictive) behaviour, criminal motives, subjectivity of the crime.

Внимание психологов к субъективной стороне преступления и его механизмам не ослабевает, особенно если этот вопрос касается формирующейся личности подростка. Подростковый возраст в психологии рассматривается как необыкновенно сложный [1, 2, 4, 6, 7]. Биологические, психологические и социальные составляющие этого процесса влияют друг на друга чрезвычайно и многогранно. В связи с этим подросток часто оказывается чувствителен, раним, противоречив и особенно податлив влиянию условий окружающей его среды: «потребность в общении и самоутверждении подростка должна быть реализована в благоприятных условиях на основе социально значимой полезной деятельности. Если самоутверждение осуществляется в неформальных подростковых группах, уличных, дворовых компаниях в форме асоциальных проявлений (выпивка, курение, нецензурщина, хулиганство), оно может стать опасным криминализирующим фактором [1, 420].

Традиционно считается, что причина формирования «трудного» подростка лежит в неблагоприятной среде, прежде всего – в семье. Несомненно, в «группу риска» попадают подростки из неполных, алкоголизированных семей, а также семей с наркозависимым, осужденным, психически больным и т. д., однако экспертиза случаев убийств, совершенных подростками, заставляет пересмотреть и существенно расширить границы этой группы.

Объектом данного обсуждения выступает содержание ряда особо тяжких преступлений, совершенных подростками г. Сургута, а собственно предметом – личность современного малолетнего преступника.

Проблематика несовершеннолетней преступности обсуждается давно [1, 3, 5, 6 и др.]. Опыт работы автора в амбулаторной судебной психолого-психиатрической экспертизе (АС-ПЭК) Сургутского клинического психоневрологического диспансера (СКПНД) показывает, что около 80% преступлений данного возраста – это кражи, грабежи, хулиганство, тогда как изнасилования и убийства, то есть собственно преступления против личности, составляют не такой большой процент. Однако ряд жестоких преступлений, совершенных подростками

в 2007 году, потрясает как фактологической (жестокое избиение, убийство жертвы без объективных причин), так и субъективной стороной содеянного (отношение к жертве, осмысление и объяснение причин преступного деяния, описание события, оценка последнего, нравственно-ценностная ориентировка в случившемся и т. п.).

Приводимые в качестве примера преступления, попадающие под ст. 105 УК РФ, были совершены подростками 1991-93 г. р., всего 15 чел. Все они нормального психического развития, на «Д» учете в СКПНД не состоят. Один признался, что симпатизирует взглядам «скинхэд», другой имел проблемы в поведении, из-за которых сумел закончить только 9 классов, к моменту преступления ему исполнилось 16 лет, но он не учился и не работал. У остальных положительный анамнез: из так называемых благополучных семей, имеют среднюю и хорошую успеваемость, двое обучались в музыкальной школе. Одним словом, общую выборку можно охарактеризовать как «обычные современные подростки», не относящиеся к пресловутой «группе риска», не имеющие поведенческих или прочих болезненных нарушений психики, а также задержки психического развития. По результатам амбулаторной судебной психолого-психиатрической экспертизы все они признаны «здоровыми». Однако нельзя не заметить общие, в высшей степени дезадаптивные черты как в поведении подростков во время деликта, так и субъективном отношении к совершаемому преступлению.

Мотивы разрушения и острых ощущений на фоне выраженной несформированности гуманного и ценностного отношения подростков к здоровью и жизни «другого» человека проявлялись в том, что в ряде случаев подростки намеренно искали «жертву», чтобы выразить агрессию, разрядиться, имитируя компьютерные игры, боевики. В других случаях к тяжелым преступлениям привел разрушительный агрессивный способ общения и решения минимально конфликтных ситуаций, выступавший «естественным» и приемлемым средством.

Размытость ценностных установок, граничащая с патологической, обнаруживается у большинства здоровых подростков, совершивших самые разные преступления (по ст. 158 – кража, 161 – грабеж, 162 – разбой), а мотивы быстрого и легкого обогащения рассматриваются современными подростками как естественные. Зачастую поражает легкость, с которой они говорят о содеянном, сожалея лишь о правовом последствии, без обращения к нравственной стороне преступления. Например, Л.: 17 лет, обучается на слесаря КИПиА, встречается с девушкой, имеет положительные характеристики с места учебы, подрабатывал на стройке, чтобы «деньги на карманные расходы у мамы не просить». При этом совершил кражу дорогостоящего кабеля с места работы. Свой поступок объяснил так: «Я на стройке шабашил. Нужны были деньги на праздник. Деньги были нужны, а денег не было... На стройке все сделали гладко (приготовили кабель для хищения: порезали на удобные для выноса части – прим. автора), а на улице не подумали за видеокамеру. Ошибка, конечно, что я вообще взялся за это дело. Но он (подельник – прим. автора) предложил – я согласился. Деньги – они не лишние, а делов-то была фигня! Кто от легких денег откажется?!»

Подобные ценностные установки личности современных подростков трудно назвать «здоровыми», особенно если речь идет о жизни людей. Импульсивная агрессивность, связанная с неуравновешенностью эмоционально-волевой сферы формирующейся психики подростка, давно рассматривается как одна из распространенных причин совершения подростками насильственных преступлений [1, 3, 5, 6]. Вместе с тем невозможно отрицать, что мотивы быстрого обогащения, разрушения, насилия, абсолютного прагматизма, безответственности, одним словом, асоциальные мотивы сформированы у данных подростков не в отдельной ячейке общества – семье, а в контексте существующего на сегодняшний день упадка нравственности и человечности всего российского общества. Обобщая суждения самих подростков, признаки этого упадка можно сформулировать следующим образом:

- размытость ценностей в затянувшийся переходный период;
- стагнация на прагматических ценностях рыночной культуры в противовес экзистенциальным, духовным, эстетическим;
- экономическая нестабильность, продолжающееся расслоение на «нищих» и «богатых»;

- расхождение государственных программ возрождения России с действительностью жизни («в глубинке»);
- неверие в возможность «честного» заработка («да везде кидают», «все воруют – попадают не все» и т. п.), недоверие к правительству («да они там все воруют», «да кто президента посадит, он же главный – может делать что хочет» и т. п.), неуверенность в защищенности себя как субъекта страны («на улице зло», «сейчас либо ты, либо тебя» и т. п.), снижение значимости собственного существования в ней как законопослушного гражданина;
- свежесть и притягательность мифов о внезапном и случайном способе обогащения, захватывающей жизни уголовных авторитетов, поддерживаемая фильмами типа «Бригада» и др. «произведениями» современного кинематографа и непосредственными трансляциями криминальных «разборок» с места событий.

Формирование подростка в подобных условиях усугубляет и без того трудный возраст, становясь причиной не просто насильственного, а сверхжестокого насильственного преступления, которое по композиции и составу может смело соперничать с преступлениями психически больного: убийство ради нескольких литров бензина, ради самоутверждения перед группой сверстников, ради «нечего делать», ради поддержания идеи ирреального «бойцовского клуба», ради развлечения, выплеска агрессии и т. п.

Существенной чертой характера подростка, совершающего преступление, является нарушение прогноза результата собственных действий, связанных с нанесением физических повреждений другому; несформированность понятий «физическая боль», «опасность для жизни», «вред (ущерб) здоровью» и т. п.

После неоднократных ударов жертве по голове подросток заявляет, что у него «были мысли, что он (потерпевший – прим. автора) может умереть». Важно здесь именно слово «может», так как судебно-медицинская экспертиза жертвы показала, что мужчина скончался уже от первого нанесенного удара. Обращает на себя внимание практически полное непонимание угрозы, осуществляемой здоровью и жизни другого человека: «Ну, мы же не хотели до такого бить. Злость была просто и всё» И. (16.1); «Кто-то перевязал ему шею проводом и давай его тащить... Он хрипел. Лысый сказал: «Ща оттащим, пусть полежит, передохнет», а мужчина резко вздохнул и всё. Все сначала не поняли, Черный пошевелил его, думали, он притворяется, а он не дышит...» (Е. (16.10); «У меня отвертка была, я не понимал, что делал, пьяный, наверное, был, хотел просто припугнуть, ткнул его пару раз, а он взял и умер» К (15.9); «Я много не бил. Я всего 2 или 3 раза ударил палкой в область таза... ближе к ногам. Я же не такой как А., чтобы топтать человека до полусмерти» (Г 14.6); после многочисленных ударов ногой в голову и комментария: «Прикольно, по голове, как по футбольному мячику» подросток А. (15.3) участливо спрашивает: «Живой?! Ну, мужик, извини, что так получилось» (мужчина скончался на месте).

Таким образом, осуществление действий, не совместимых с жизнью, рассматривается подростками как игра: удушение, сокрушительной силы удары с применением предметов, нанесение ран отверткой не выделяются в группу опасных для жизни, вызывают удивление и негодование: «Отчего он умер? Я думаю, его после нас кто-то убил, а на нас сваливают теперь?!» (З., 14.9), «Я же не знал, что всё так обернется!» (Г., 14.6), «Я не знаю, что на меня нашло? Ну, я же не думал, что так получится, я не хотел» (К., 15.9).

Для подростков, совершивших деликт, характерно формальное, безучастное описание жестоких трагических событий как самых заурядных и обыкновенных: «Что тут рассказывать? Выпили. Пошли вскрывать. Украл и разбил машину» (реально – убийство водителя), (Г., 15.3); «Побили – ну, это нормально... Так, особо жалости никакой не было... Задержали через 4 дня: я и не вспоминал особо. – Готов сидеть в тюрьме? – Да. – Сколько? – Лет восемь... Всего-то хотели мужика на деньги развести, а он себя неправильно повел, сам наварлся» (И., 16.); «Все знали, куда идут. Что теперь будет? Судить будут. Срок дадут... Я за своё сижу, я в курсе» (А., 15.3); «Произошло преступление. Да не помню, сколько выпил. Сначала двое пили, потом ещё подошли. Без адвоката говорить не буду, да, там правда (указывает на дело) читайте, там все написано, я со всем согласен... » (М., 16.3, убийство); «Били бомжей, один умер» (Г., 14.6).

Уровень правосознания у подростков-преступников чрезвычайно низкий, граничит с детским: «Я дома только понял, что бомж, он тоже человек, получается, я слабого бил» (Г., 14.6); «Хотели просто на деньги развести, а если бы не было, просто магнитолау забрать» (И., 16.1); «А можно, я лучше в Армию пойду, в Чечню, чем в тюрьме сидеть?» (А., 15.3).

Не намного выше уровень и у подростков, совершивших кражи личного имущества, зачастую воровство рассматривается как развлечение, невинная шалость: «Мне просто интересно было посмотреть, что за телефон, я его посмотреть взял, а получилось, что украл» (Г., 15.6, норма); «Мы всегда тащили всякие магнитофоны с дач, бензин сливали, да, в общем, такие детские шалости» (О., 16.1, норма); «Я на других насмотрелся: кто-то украл магнитолау – за 4 тысячи продал. А мне мама по сто рублей дает. Я посчитал: долго копить, украсть быстрее. Все равно мир испорчен: все воруют, это сделать просто. Все воруют, просто попадают не все. Это дело удачи» (Р., 15.4, норма).

14 из 15 подростков в качестве досуга предпочитали компьютерные игры, особенно по сети или в клубе. Игры преимущественно милитаристского, разрушительного содержания, предполагающие многочисленные убийства противника, представленного как в виде монстров, так и реалистично изображенных людей. Вот самые популярные среди нашей случайной выборки: Doom 3, s.t.a.l.k.e.r., Counter Strike, GTA. В ряду прочих любимым жанром художественного фильма 15 из 15-ти подростков назвали «боевик», 9 из 15-ти отметили триллеры.

2007 год оказался в каком-то смысле роковым для осуществления выше описанных преступлений, а главное, неслучайным: подростки начала 90-х годов рождения – это дети постперестроечного времени, отмененных «советских» и неоформленных «рыночных» ценностей, а также одновременно первые «чистые испытуемые» – потребители вышеозначенных компьютерных игр, «боевиков» и многочисленных документальных сюжетов СМИ об убийствах, грабежах, катастрофах, под влиянием которых формировалась детская психика. Очевидно, что в опоре на сюжеты данных игр и фильмов формировались мотивы, способные привести к жестоким преступлениям: «В. предложил идею создать свой бойцовский клуб, нам она понравилась. Ходили два раза панков бить, хотели научиться драться по-настоящему. Мне вот Стивен Сигал больше всего нравится, он самый крутой: всех строит без разговоров. Мы даже между собой договаривались биться, собирались несколько раз, но, вроде, так и не побились, или нет, один раз подрались, но не сильно» (Д., 14.0).

Влияние подобной компьютерной и кинопродукции на ценностно-смысловую, и, в конечном итоге, на мотивационную сферу подростков более чем прозрачно и достаточно отчетливо видно в совершенных преступлениях: насилие осуществляется и принимается подростками как естественная закономерность жизни, в спонтанных суждениях о которой обнаруживалось явное недоверие к обществу, высокая настороженность, готовность к агрессии в любую минуту: «сейчас повсюду либо ты, либо тебя» (И., 16.1), «сумки сотовые забирают, надо уметь защищаться» (Г., 14.6), «Все равно мир испорчен: все воруют, это сделать просто. Все воруют, просто попадают не все. Это дело удачи» (Р., 15.4, норма), «для меня это (намеренное участие в драках – прим. автора) самозащита от армии (А., 15.3), «побили, ну, это нормально...бить не интересно, приходится драться, надо же уметь выживать (И., 16.1), «я не люблю ходить на улицу...там зло на улице» (Е., 16.10).

Приведем краткое описание некоторых деликтов и выдержки из протоколов экспертиз (инициалы и прозвища подростков изменены, любые совпадения считать случайными).

Случай первый. Подростки, зная место проживания городских бомжей, обманном путем (под предлогом «попить пиво») заманили одного, ранее не знакомого им, на стройку, где, ничего не объясняя, начали драку. Мужчина потерял равновесие и упал, подростки продолжали жестоко избивать упавшего различными предметами (палка, железный прут, кирпич), пинать ногами по голове. В результате полученных травм пострадавший скончался на месте. Вот как описывают это преступление сами подростки: А. (15.3, ученик профессионального колледжа): «Выпили на всех две бутылки водки. Ну, нажрались, каникулы у пацанов, решили отметить. У Б. (15.4) в 79-ом доме напились. Решили устроить «бойцовский клуб». Мы часто собирались, дрались. С панками, например. Один раз между собой подрались, специально,

хотели научиться драться круто, как в боевиках. Для меня это была самозащита от армии, чтобы никто не прикопался. Да, оно и в жизни так, по фильмам, по рассказам: то сумочки забирают, то телефоны. У меня вот деньги трясли... В. (16.1) предложил пойти на ул. Энергетиков, подраться с кем-нибудь, там панки под лестницей сидят. Пришли, их не оказалось, тогда В. сказал: «Пойдем бомжей бить». Мы пошли. Договорились, кто что делает, кто первый бьет, кто второй. Страшно было, кто-то говорил, что у них есть ножи. Позвали одного бомжа, хотели их всех вызвать по очереди. Начали его пинать. Он упал, стали бить ногами. Кто-то сказал: «Прикольно, по голове как по футбольному мячику»... Я его за плечо потрогал и спрашиваю: «Живой?» Мне показалось тогда, что он что-то ответил. Я сказал: «Ну, мужик, извини, что так получилось»;

Г. (14.6, ученик профессионального колледжа, обучался в музыкальной школе): «А. предложил побить кого-нибудь. В. предложил побить бомжей. Я сначала всерьез не воспринял, думал, потреплются и перестанут. По глупости потащился за ними. Страшновато было, думал, что сейчас перебьют нас всех: кто-то рассказывал, что у них ножи были. Я палку взял: вдруг они толпой вывалят!? А. крикнул: «Эй, мужики, вылазь пиво пить! Он так нормальный пацан (имеет в виду А. – прим. экс-ра), учился, общался, работал. Бомж вышел. А. сказал: «Пойдем, я там пиво оставил на лесопилке. Мы за ними поплелись. Дошли. Бомж: «Где пиво?». А. его по голове бутылкой. Я с Д. (14.0, ученик средней школы) стоял в дверном проеме, а А., В. и Б. начали топтать бомжа. А. кричал: «Бей давай!» Я перепугался. Я такого только в кино видел, он с ним такое вытворял, я его таким не видел... Ничего мы не пили, трезвые мы были. Напуганный я был. Не знаю, зачем начал бить. Я много не бил. Я всего 2 или 3 раза ударил палкой в область таза... ближе к ногам. Я же не такой как А., чтобы топтать человека до полусмерти. Не хотелось перед пацанами слизняком казаться, вот и ударил. Я же не так бил – всего 2 или 3 раза палкой. Бомж что-то невнятное сказал. А. спросил: «Живой?», он что-то промямлил. Все решили: «Живой».

Случай второй. Идентичен первому. Период между событиями составляет около полугода. Описание участника следующее (Е., 16.10, «домашний ребенок», сочиняет музыку, имеет неплохую успеваемость в школе): «Я узнал, что парень, «Косой», едет автостопом. Все за «Косого» рассказывали, что он крутой. За меня друг договорился, и мы поехали в Сургут, мне в Сургут надо было, а денег не было, у мамы не стал просить, да ей вообще не хотел говорить, думал, «туда-сюда» сгоняю. Приехали. Мне некуда было идти, так как было уже поздно. Он позвал меня к друзьям. Мы выпили, пили «Ягуар» (алкогольный коктейль-напиток – прим. автора). Мне сказали, что это «Доза» (заброшенная стройка – «долгострой» недалеко от места преступления – прим. автора). Косой говорит: «Надо пойти, что-нибудь сделать. Я не обратил внимания. Мне важно было в 7 утра с девушкой встретиться. Я всех видел первый раз. Мы пошли все вместе, мне было все равно, куда мы идем. Позвали, я пошел. Пришли к зданию, к хохлам, которые жили на стройке. «Толстый» позвал мужчину из здания. Они вместе с Косым угостили его пивом. Меня отправили ещё за пивом. Мы видели, что Лысый отвел этого мужчину за угол дома. Потом туда пошел Косой. Я не понял, что происходит. Я увидел, что мужик лежит. Я подумал, что я здесь делаю? Ещё скажут, что я, надо быть где-нибудь в стороне! Лысый и Косой стали бить другого бомжа. Я увидел у Лысого ножик. Я не подходил, а они пинали его. Потом отошли, мужчина лежал на земле, плакал. Я хотел уйти, но Лысый всех позвал, и все стали обсуждать, кто и как удары наносил, хвастались друг перед другом. Пошли обратно в Дозу. Стали пить. Я тоже пил, но не пьянел, я весь трясся и боялся, что милиция придет. Косой сказал: «Раз мы все вместе это начали, давайте все вместе и закончим». Я продолжал с ними идти: испугался, что и меня побьют, если я не пойду. Пришли. Выходит этот мужик, все лицо избитое. Я никогда не бил человека, на улицу я хожу не очень часто. Мне не очень нравится. Там зло, на улице. Косой схватил мужика и потащил. Ударил его снова. Лысый опять подлетел. Давай они его запинывать ногами. Мы с «Черным» подлетели и пытались оттащить. У них ботинки с железными вставками были. Потом мы вернулись опять на Дозу. Стали искать, где можно выпасться. Спали на улице. Вернулись на следующий день к этому мужику. Мне уже было интересно, что будет? Были трезвые. Косой сказал: «Давай один на один». Мужик не хотел драться, он сказал: «Нет». Они его стали снова бить. Черный его палкой бил, описал его. Я отошел подальше. С нами были ещё два каких-то

парня, которых не было вечером. Кто-то перевязал ему шею проводом и давай его тащить. Я сразу не сообразил... Он хрипел. Лысый сказал: «Ща оттащим, пусть полежит, передохнет», а мужчина резко вздохнул и всё. Все сначала не поняли, Черный пошевелил его, думали, он притворяется, а он не дышит... Лысый сказал: «Он умер. Надо его оттащить и скинуть в Обь»... Я потом только узнал, что он (Лысый – прим. автора) скинхэд. У меня тоже есть друг скинхэд, там дома, но он такой же, как и я – все время дома сидит, любит книжки читать. Я сам не люблю насилия. Я «клабер» люблю, клубную музыку, мне интереснее дома за компьютером... Они просто покрасоваться друг перед другом хотели, кто сильнее, обсуждали после каждой драки, хвастались, у кого круче получилось ему (потерпевшему – прим. автора) врезать».

Случай третий. На фоне легкого алкогольного опьянения трое подростков (14–15 лет) завязали драку со случайным прохожим (взрослый мужчина 46 лет). В результате полученных травм (преимущественно ЧМТ) мужчина скончался на месте. Описание одного из участников следующее: Ж. (15.1, из благополучной семьи, по характеру неконфликтный, обнаружил умеренно выраженную в пределах нормы тревожность и сензитивность (чувствительность) по индивидуально-типологическому опроснику Л. Н. Собчик, характеризуется педагогами как покладистый и ответственный ученик): «Мы сидели с пацанами, пили пиво, пошли прогуляться. По дороге встретили мужика... З. (14.9) его что-то спросил, он ему что-то ответил. Зацепились... Я тоже ударил его пару раз. Я не соображал, пьяный был... Он (потерпевший – прим. автора) начал орать: «Вы чё, пацаны, за что?». Тогда З. опять его по голове ударил. Он упал. Сами перепугались, что он упал и не встает больше. Мы убежали. Утром только понял, что мы его убили, когда милиция пришла».

Случай четвертый. Двое подростков на фоне легкого алкогольного опьянения совершили убийство ранее незнакомого им мужчины при попытке слить бензин из машины пострадавшего.

И. (16.1, имел проблемы в поведении, закончил на «3» 9 классов, на момент совершения преступления не учился, не работал): «Мы проезжали мимо, у Лисы бензин кончился. Я попросил, что-нибудь острое, отвертку. Подошли к «москвичу», хотели бензин слить, а там мужик сидит. Мы в окно постучали. Он окно приоткрыл, и что-то сказал грубо, я разбил стекло. Он выскочил из машины, сделал К. (15.9) подножку и побежал в сторону леса. Я догнал, ударил кулаком, он упал. Потом К. стал его отверткой ударять, а я палкой... К. предложил отнести к ручью. Я, как дурак, взял за ноги и потащил. Скинули в реку. Он в неё упал, но не утонул. Я штаны замочил и ушел в машину... Шли с этой целью: деньги, бензина надо было, думали, машина пустая. – Не испугались, что там хозяин? – Нет, раз решили, надо делать. Хотели просто на деньги развести мужика, если б денег не было, нашли бы до чего докопаться. Деньги ж надо было, а работать неохота – лето. Да и кидают везде. Момент такой попался: ночь и никого, ну, мы думали, что никого. Ну, мы же не хотели до такого бить. Злость была просто и все: как обычно с пацанами дерёшься. Подрались, ну это нормально. – А злость откуда взялась? – Псих взял, что он из машины не выходил, огрызался, потом, что убегал. Нехорошо, конечно, поступили, что побили... Так особой жалости не было. Всего-то хотели мужика на деньги развести, а он неправильно себя повёл, сам наварлся».

Таким образом, если представить преступления, совершаемые подростками, как естественный эксперимент, то вполне отчетливо обрисовывается его независимая переменная, а именно:

- культ боевиков, фильмов-ужасов, низкопробных сериалов, пропагандирующих насилие;
- крайне агрессивное содержание компьютерных игр (Doom 3, s.t.a.l.k.e.r., Counter Strike, GTA);
- засилье в программах СМИ сюжетов и прямых трансляций, содержащих информацию о разрушениях, насилии, убийствах и прочих криминальных событиях и обнаруживающих психологическую неграмотность по структуре подачи и построению сюжета (близкая съемка кровавых сцен и их последствий, превышение лимитов трансляции высоко негативной информации и т. п.);
- общий упадок нравственных, духовных ценностей в современном российском обществе

Не менее отчетливо обнаружилась и зависимая переменная – ценностно-смысловая сфера подростков, которая под воздействием независимой переменной демонстрирует следующие изменения:

- идентификация виртуальной и реальной действительности: персонаж игр способен «умирать» не сразу, а после ряда высоко агрессивных воздействий (ударов, расстрелов) и «оживать» после физического насилия, пополняя «запас жизни»; киногерой стоически переживает агрессивные физические воздействия, любое из которых в реальной жизни может выступить причиной тяжкого увечья и даже смерти. Однако и в кино, и в играх герой способен подняться и победить группу врагов. Важно отметить, что смешению реальности с виртуальной действительностью способствует и реалистичность образа компьютерного изображения как героя, так и врага: современные игры приближаются к полной имитации образа живого человека, не менее реалистичны и красочны сцены ранений и убийств в фильмах. Стихийное создание подростками «бойцовского клуба» за счет осуществления настоящих драк - лучшее подтверждение разворачивания виртуальных «изысков» игр и боевиков в реальной действительности жизни.
- несформированность понятий «физическая боль», «опасность для жизни», «угроза (вред) здоровью»: стойкость и «неубиваемость» главных героев игр и фильмов ведет к искажению чувствования физической боли, жизнестойкости человека, что в своем крайнем проявлении нашло отражение во всех случаях убийств, представленных к анализу.
- обесценивание человеческой жизни начинается с графики и сюжета компьютерной игры милитаристского типа, красочных и динамичных сцен боевиков и триллеров, которые подкрепляются документальными сюжетами убийств в СМИ. Игры учат постоянному и быстрому уничтожению «врагов», имеющих реалистичный человеческий образ, детализация кровавых сцен в играх, фильмах и СМИ утверждает в формирующемся сознании ребенка и подростка естественность и «нормальность» убийств и разрушений. Ребенок, погруженный с раннего детства в подобную среду, не имеет возможности взрастить ценностное отношение к жизни, когда ему предлагают ежедневно смотреть на убийства и осуществлять их виртуально.
- мотивы разрушения превалируют над мотивами созидания; культ агрессии над конструктивным решением проблемных ситуаций.

Современное информационное общество, таким образом, само создает и продает насилие. Подростковая субкультура максимально чувствительна ко всему контексту социума, в связи с чем подросток, как в зеркале, отражает состояние общества в целом, так что у преступлений нашей эпохи очерчивается свое лицо: жесткое, агрессивное, не знающее цену здоровью и жизни другого человека. На сегодняшний день необходимо признать, что подобные изменения личности подростков-правонарушителей по крайней мере граничат с психопатологическими. В связи с этим необходимо либо воздействовать на источник подобного аномального формирования – социальную среду, либо признать нормой увлеченность детей и подростков играми разрушительного содержания, боевиками, триллерами, сюжетами реальных смертей в СМИ, отодвигать духовное, нравственное, культурное развитие на задний план и готовиться к приходу нового поколения. Только вот можно ли будет назвать его «нормальным» с позиции общечеловеческих ценностей?

Литература

1. Васильев В. Л. Юридическая психология. СПб.: Питер Пресс, 1997. 656 с.
2. Выготский Л. С. Психология подростка. Соч.: В 6-ти т. М., 1982. Т. 4.
3. Мамайчук И. И. Экспертиза личности в судебно-следственной практике. СПб.: Речь, 2002. 255 с.
4. Обухова Л. Ф. Возрастная психология. Учебник. М.: Российское педагогическое агентство, 1996. 374 с.
5. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: научно-практическое пособие. М.: Гардарики, Смысл, 1998. 192 с.
6. Медицинская и судебная психология: Курс лекций. Учебное пособие / под ред. Т. Б. Дмитриевой, Ф. С. Сафуанова. М.: Генезис, 2004. 606 с.
7. Клиническая и судебная подростковая психиатрия / под ред. В. А. Гурьевой. М.: Генезис, 2001. 480 с.